

Александр БОБОШКО

член Союза писателей России

От редакции. В «непридуманных воспоминаниях» известного амурского барда, неоднократно представавшего на страницах «Амура» с подборками сатирически заострённых стихов, раскрывается несколько непривычный читателям образ автора. Рассказывая о городе своего детства, Александр Бобошко рисует картины одновременно трагические и романтические, героические и идиллические. Чего только стоят его размышления о названиях улиц Райчихинска, отзвучивающие в душе читателей воспоминаниями о своей малой родине. И, возможно, так же отзвучиваются думы о том, почему молодые часто хотят «покинуть место, где родился и жил».

КРУШЕНИЕ ИЛЛЮЗИЙ, или Мои непридуманные воспоминания

Вот история моей жизни.

Я волен рассказать её от начала и до конца. Перед самим собой я освобождён от всех обязательств, кроме одного: быть правдивым.

Из книги Ф. Шахмагонова и Е. Зотова «Гость»

Я всё же сел за написание этой книги – откладывать дальше нельзя.

И. Эренбург. «Люди, годы, жизнь»

Несколько лет назад ко мне домой явился фотокорреспондент одного из благовещенских книжных изданий, получивший задание редактора запечатлеть некоторые предметы из моей жизни. А именно – первые поэтические сборники, подарки от благодарных читателей и зрителей, а также ряд уникальных грампластинок 60–70-х годов прошлого века и бобин с магнитофонной лентой.

Для меня это было полной неожиданностью, но так пожелала редактор. Она позвонила мне с просьбой предоставить её сотруднику вышеназванные атрибуты, что я и сделал.

Принял фотографа – мужчину лет тридцати пяти – приветливо, всячески старался ему помочь. Съёмка заняла не более получаса. Работали спокойно, слаженно. Однако, уходя, уже стоя на пороге, он вдруг развернулся и кивнув на предметы, которые только что фотографировал, сказал с презрительной усмешкой:

– Всё это дорого только для вас! Для других оно не представляет никакого интереса.

Я растерялся, услышав его слова, не успел ничего ответить. Он закрыл дверь и ушёл.

До сих пор не пойму, зачем фотограф всё это мне сказал, почему так себя повёл? Ведь я не

хвалил ничего из того, что нужно было ему для съёмки, не подчёркивал достоинства дорогих мне раритетов, молчаливо подавал один предмет за другим — и всё.

Может быть, ему не нравилась его работа? Или замучили проблемы в семье: накануне нашей встречи поскандалил с женой, устал от капризного ребёнка? Или страдал от похмелья? И вот захотелось испортить настроение первому попавшемуся...

Я понимаю, что воспоминания о моей жизни нужны в первую очередь мне самому. Возможно, ещё узкому кругу людей. Тем, кто каким-то образом связан со мной, кому знакомы события, описанные здесь. Кто-то станет читать лишь из любопытства, а также из желания увидеть здесь своё имя.

Ну а если читателя моя манера письма будет нервировать, раздражать, я советую ему отложить мою книгу в сторону и никогда к ней не возвращаться.

Как-то в очередной раз я отдыхал в Китае в курортном районе города Циньхуандао – Бэйдайхэ. Традиционно летом там был наплыв российских туристов, и я порой спрашивал у них: «Откуда приехали?» Не помню случая, чтобы кто-то не ответил. География была обширной: из Владивостока и Хабаровска, Читы и Благовещенска, гораздо реже – из Москвы и Питера. И вдруг прозвучало: из Райчихинска. Мужчина, назвавший этот город, собирался сказать что-то ещё, но я радостно воскликнул:

– Земляк! Я ведь родился в Райчихинске!

И рванулся к нему: вот ведь как случается! За две тысячи километров от родины, к тому же в иностранном государстве, довелось встретить земляка!

Мужчина тоже был удивлён и обрадован нашей встрече. Пожали друг другу руки, и тут он сказал то, что хотел сразу сказать, да не успел, остановленный моим возгласом.

– Когда меня спрашивают, откуда я, – пояснил он, – обычно отвечаю: живу недалеко от Благовещенска. Потому что Райчихинск мало кто знает, мало кто слышал о нём...

Увы, он был прав. Когда-то в далёкой юности я мечтал только об одном: скорее покинуть место, где родился и жил, оставить этот небольшой провинциальный город и поселиться в большом административном и культурном центре. Уже через одиннадцать дней после окончания школы исполнил свою мечту: поехал в Хабаровск поступать в институт с чётким намерением: в любом случае – поступлю-не поступлю – на родину не вернусь. В институт я сразу же поступил, а после его окончания остался жить и работать в краевом центре. Жил бы в нём и дальше, но случилось так, что в конце апреля 1979 года отправился в отпуск в дом отдыха Бузули, что в сорока километрах от города Свободного, да так и остался в Приамурье.

Правда, год или два после переезда в Благовещенск я по привычке говорил: «У нас в Хабаровске». А потом постепенно он становился мне всё более чужим и далёким.

За долгие годы в Приамурье я прикипел к нему душой, встретил здесь интересных и близких мне людей.

Но вернусь к разговору о Райчихинске.

Увы, в молодые годы я не испытывал к нему никаких тёплых чувств. Никогда не интересовался его историей, известными людьми, плохо знал расположение улиц. Имел представление лишь о тех частях города, с которыми приходилось сталкиваться в силу обстоятельств. А зачем знать про все остальные улицы и переулки, если скоро уеду отсюда навсегда?!

Собственно, ничего хорошего о Райчихинске мне не довелось услышать. Начиная с его названия. Говорили, будто в царские времена офицер по фамилии Райчихин утонул в безымянной речке, которую после этого первопроходцы окрестили Райчихой.

Слух не уточнял: по пьянке служивый утонул или плавать не умел? В любом случае, не очень весёлая ситуация – жить в городе, названном в честь заурядного утопленника.

Взрослые очень неохотно рассказывали нам, детям, почему очутились именно здесь. Ясно было, что они не аборигены, отнюдь не потомки чжурчжэней или эвенков. Заселение русскими Дальнего Востока началось полтора века назад, однако мы с удивлением узнавали, что у большинства наших знакомых не было здесь предков; их дедушки-прадедушки, бабушки-прабабушки жили вдалеке от своих сыновей и дочек – в средней полосе России, в Белоруссии, на Украине, в Татарстане и так далее.

Краем уха мы слышали, что подавляющее число жителей Райчихинска оказалось здесь не по своей воле – это бывшие заключённые, а также сосланные сюда за то, что им пришлось побывать в немецком плену или на территории, оккупированной фашистами. Немало, однако, было и тех, кто имел богатый уголовный опыт по части грабежа и насилия. Когда по городу распространялась весть, что кого-то здесь ограбили, изнасиловали или убили, – люди разводили руками и, оглянувшись по сторонам, вполголоса говорили: «А что вы хотите? Вы же знаете, что у нас тут за публика!»

Каплю дёгтя на мой родной город пролила наш учитель анатомии Вера Андреевна Топоркова. «Воздух в Райчихинске отвратительный, – сообщила она нам, старшеклассникам. – Масса местных жителей страдает от лёгочных заболеваний. Когда во время операции врачи разрезают лёгкие – скальпель скрипит от угольной пыли».

Ну как после всего вышесказанного было нам не наострить лыжи и не переселиться в другие места?!

Прошли годы. Моё мнение о родном городе не менялось до тех пор, пока во всесоюзной газете «Советский спорт» не прочёл о том, что победителем шахматного чемпионата мира по переписке является житель... Райчихинска! Это было в начале 80-х годов, когда я уже жил в Благовещенске.

Я тогда был удивлён вдвойне. Тем, что чемпионом мира стал мой земляк, и тем, что есть такой вид чемпионата.

А ещё лет через двадцать я был, мягко говоря, сражён, открыв толстенный «Справочник журналиста», изданный в Ленинграде в 1965 году. Подготовили его два автора – Николай Григорьевич Богданов и Борис Аркадьевич Вяземский. Вот что было написано в главе «Политическая направленность» на странице 392.

В очерке о Дальнем Востоке, о встречах с интересными людьми один из журналистов приводит разговор между ним и весёлым машинистом Валерием Маликом, севшим в автобус на одной из остановок:

Дом техники в Райчихинске. Фото 1965 г.

– Дом культуры выстроили – в Москве такого не найдёшь!

Все слушают его, слегка улыбаясь, прощая преувеличения: Валерий, как он сам сказал, приехал на Дальний Восток каких-нибудь четыре месяца назад и уже успел полюбить этот край.

– Красив, должно быть, ваш шахтёрский город, – говорю я.

– Город-то хороший, – сказал Малик, – только это не город шахтёров.

– Почему?

– Потому что шахтёров в Райчихинске нет.

– Как нет? Ведь Райчихинск – город угля.

– Город угля, а шахтёров ни одного.

– Удивительно.

– Это ещё что! Вы, наверное, не знаете, какой большой наш город. От центра до окраины – тридцать километров.

– Что-то не получается. Райчихинск больше Благовещенска!

– Больше Хабаровска, Читы, Улан-Удэ.

– Может быть, больше Ленинграда?

– Что ж, может, даже и так, – сказал Валерий.

Зачем автору понадобился такой диалог? Чтобы оживить повествовательную часть очерка или сделать из разговора какие-то выводы? Нет, это литературный приём, имеющий определённую политическую направленность. Автор рисует живой образ простого, скромного парня, совсем недавно приехавшего на Дальний Восток, одного из тех энтузиастов, которые прибыли сюда осваивать несметные богатства края и полюбили его, сродняясь с ним. И его жизнерадостность, увлечённость, воля к победе служат для юношей и девушек хорошим примером.

Что же касается фактической стороны дела, то её очеркист изложил в следующем фрагменте:

Наконец показался и сам Райчихинск, вернее, отдельные части большого города.

Бывали ли вы в аккуратных, застроенных двухэтажными каменными домами посёлках, которые вырастают около шахты или завода? Вот из таких, отдалённых десяти-пятнадцатью километрами друг от друга, посёлков и состоит город Райчихинск. Валерий был прав: действительно, если говорить о площади, которую занимает этот своеобразный город, то Райчихинск больше Благовещенска, а может, и Ленинграда. Прав он был и в другом – в городе нет ни одного шахтёра по той простой причине, что здесь нет ни одной шахты. Уголь добывается открытым способом.

В очерке всё целесообразно, автор сумел рассказать о многом. Интересные факты, живое изложение придали ему ясную политическую направленность.

Вот так! Получил я в 2001 году заслуженную оплеуху от ленинградской прессы. Оказывается, не такой уж он заштатный и незаметный Райчихинск, как казалось мне – подростку, мечтавшему о больших городах и заманчивых перспективах.

Вот убедительный пример. Прославился Райчихинск тем, что в 1958 году в эфир вышла любительская телевизионная станция, построенная в Доме техники силами членов научно-технического горного общества. Впервые в Приамурье! Только через четыре (!) года телевидение появилось в областном центре.

Близлежащие посёлки и города устанавливали на крышах огромные антенны, чтобы ловить передачи Райчихинского телевидения, и страшно завидовали его жителям. Почему же, прекрасно зная про данный факт, я, проживая в этом городе, не гордился им?

Скорее всего, причиной тому был свойственный большинству молодых людей снобизм, преувеличение собственной значимости, неумение ценить то близкое и родное, что нас окружает с детства.

В 2015 году я готовил газетный очерк о герое Великой Отечественной войны – Иосифе Родионовиче Апанасенко. Этот человек в самое трудное время войны руководил на Дальнем Востоке комплектованием дивизий на местах и отправкой их на Запад. Провёл он операцию предельно скрытно; если бы японцы узнали о ликвидации на этой территории множества дивизий, немедленно начали бы войну с СССР.

Наши дальневосточники провели знаменитое контрнаступление под Москвой в начале декабря

1941 года и спасли столицу от захвата её фашистами. (Эти дивизии в центральных СМИ до сих пор именуют «сибирскими», но для московских невеж всё, что находится за Уралом, – не иначе, как Сибирь).

Апанасенко постоянно добивался от Сталина, чтобы тот отпустил его на Западный фронт, и тот в конце концов согласился. Однако в первой же атаке под Белгородом Иосиф Родионович погиб. В этом городе ему поставлен памятник.

По некоторым сведениям, после войны райчихинские фронтовики просили горисполком переименовать Райчихинск в Апанасенск. Мол, гораздо достойнее, чтобы город был назван в честь бесстрашного советского полководца, а не горемыки царского офицера.

Однако власти дали имя славного генерала только улице на Северо-Восточном разрезе. Ещё есть такая же улица в далёком Белгороде, где окончил свой героический путь Иосиф Родионович. Сталин, узнав о гибели Апанасенко, велел тут же переправить его останки в Москву и провести там похороны со всеми полагающимися воинскими почестями.

Саша Бобошко (в центре) с братом Вовой (слева) и соседом Ухналёвым. Райчихинск, конец 1950-х гг.

При подготовке вышеупомянутого газетного очерка я узнал, что в моём родном городе насчитывается 139 улиц. Стало интересно: почему они получили такое имя, а не другое, начал фантазировать на эту тему.

Предположил, что по названиям некоторых из них можно проследить историю появления и развития Райчихинска. Например, улицы Геологоразведка, Таёжная. Отвальных – две: вторая из них – Западно-Отвальная. Духовская, считаю, к мистике не имеет никакого отношения; был такой угольный разрез – Духовской. Посёлок Зельвино назван в честь одного из первопроходцев и открывателей угольного месторождения в Райчихинске – Зельвина.

Вероятно, обнаружили первые жители ключ с чистой родниковой водой, поселились рядом с ним, и появилась улица Ключевская. Выстроили дома возле небольшого озера – возникла улица Озёрная.

Город стремительно развивался. В противовес Моховому переулку появились переулки, где мху негде было расти, поскольку их часто посещали, ногами истоптали – Литейный и Клубный. Там, где хранили грузы, – улица Грузовая, где выстроили автобазу, – Автомобильная. А чего стоило величать улицу в духе двадцатого века и возрастающего прогресса – Энергетическая! Кстати, один из посёлков города так и назвали – Прогресс, а в названии другого была подчёркнута значительность, перспективность, масштабность – Широкий.

Городу требовались грамотные, всесторонне образованные люди, и возникли улицы Школьная, Курсовая, Инженерная, а также Музыкальная. Оттого, что Райчихинск воздвигали безусловно романтики, люди с поэтическим воображением, с верой в светлое будущее, появились улицы: Надежды, Вольная и Свободная, Звёздная и Лунная, Гагарина, Коммунистическая. При появлении улиц им давали названия, стимулирующие, например, к активному озеленению. Весной возле большинства домов цвели черёмуха, яблоня, акация, вишня, оттого и возникли улицы Зелёная и Ольховая, Рябиновая и Вишнёвая, переулки Кленовый и Голубичный.

Плохо, что, будучи жителем Райчихинска, я не интересовался своим городом. Вероятно, не я один был такой, но это мало утешает...

Впрочем, сейчас-то, увидев земляка-райчихинца, я рванул к нему, как к старому и доброму товарищу. Помудрел, что ли?